

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЭПИЗОДИЧЕСКОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ФОНЕ РОДОВЫХ САГ: НА ПРИМЕРЕ СВЕДЕНИЙ О ВОСПИТАНИИ ПО ДОГОВОРУ

Э.В. Емельянова

Ключевые слова: родовая сага, вводная характеристика, воспитание, стереотип.

Keywords: family saga, introductory characteristics, fosterage, stereotype.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-12

Одной из архаичных черт родовых саг, или «саг об исландцах», является отсутствие художественного времени в их повествовании, то есть «отсутствие разрыва между временем в жизни, реальным, историческим и временем в литературе, нереальным, вымышленным» [Стеблин-Каменский, 1984, с. 105]. Также повествованию родовых саг не свойственно абстрактное историческое время, хронологическая сетка и точные датировки [Стеблин-Каменский, 1984, с. 110]. Вместо этого роль ориентиров, создающих временную перспективу, играет исторический фон, содержащий обзорные сведения, такие, как правление норвежских конунгов, заселение и христианизация Исландии, а также генеалогии исландцев [Смирницкая, 2008, с. 29].

Особо важным ориентиром являются вводные характеристики персонажей саг (далее – ВХ) – наиболее типичный для родовых саг и распространённый в них способ представления участников последующих событий. Дополнительно к имени персонажа, которое само по себе служило характеристикой человека в данной традиции [Стеблин-Каменский, 1984, с. 59], во ВХ часто присутствуют дополнительные сведения – имена родственников упоминаемого

человека, иногда и его домочадцев, генеалогии, топонимы, также может быть назван общественный статус исландца.

В повествовании ВХ не обособлены, представляют собой своего рода информационные сгустки, содержащие определённый род сведений, тяготеющие к скоплению, хотя единичные ВХ также возможны. Эти сведения в общем случае предшествуют эпизоду (или эпизодам), в которых участвуют представленные персонажи. При этом ВХ могут плавно переходить в эпизод, а единичные ВХ вкрапляются в эпизод, представляя второстепенных, эпизодических персонажей.

Существенным формальным признаком, свойственным ВХ, как и другим составляющим исторического фона саг, является последовательное использование в них претерита, в то время как в эпизодах претерит обычно чередуется с презенсом [Смирницкая, 2008, с. 27-29].

ВХ содержат важные для последующих событий сведения и тем самым ориентируют аудиторию (см., например, о роли генеалогий [Буоск, 1993, с. 60]). Но вместе с тем многие из сведений ВХ явно избыточны с точки зрения развития действия. Они являются частью *синкретической правды*, то есть архаичной черты мышления, свойственной родовым сагам в целом, при которой историческая достоверность не отделена от художественной составляющей [Стеблин-Каменский, 1984, с. 23]. С помощью этих сведений ВХ выстраивают правдивую с точки зрения своей аудитории картину мира. Таким образом, ВХ апеллируют к эпизодам саги, и в то же время привязывают эти эпизоды к общему историческому фону.

Особый интерес представляют фразы, которые занимают пограничное, переходное место между ВХ и эпизодами, например, указывающие местопребывание персонажа. Одной из них является конструкция с абстрактным существительным *fóstr* 'воспитание' *vera at (á) fóstri* 'быть на воспитании', посредством которой в сагах, как правило, сообщается о том, что ребёнок жил не дома с родителями, а у другого человека, с которым родитель заключил договор о воспитании. Этот тип употребления полезно сравнить с такими упоминаниями факта воспитания во ВХ, которые обрисовывают запечатленную в традиции социальную роль персонажа воспитателя и таким образом являются непосредственной данностью исторического фона.

Воспитание (*fóstr*, *barnfóstr*) – практика, широко распространённая в древнескандинавском обществе, при этом в традиции сложилось представление о воспитателе как о человеке, который ниже по статусу родителя ребёнка, часто богатом. В сагах такие персонажи обычно играют определённые роли (провоцируют

конфликт между отцом ребёнка и каким-нибудь третьим лицом или помогают своему воспитаннику), что является отображением сложившихся в древнеисландском обществе стереотипов. Стереотип – «некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации. Причем <...> о предмете или ситуации, так сказать, «вообще» [Красных, 2003, с. 232]. Примером может послужить стереотипный образ учительницы (в современной русской культуре).

Именно для обозначения социального статуса стереотипных воспитателей во ВХ используются конструкции *vera fóstri* / *barnfóstri* 'быть воспитателем / быть воспитателем (чьего-либо ребенка)' [Емельянова, 1915, с. 29-30].

Так во ВХ из «Саги о сыновьях Дроплауг» представлены новые участники конфликта между тезками: воспитатель ребёнка Хельги Асбьярнарсона соблазнил родственницу Хельги Дроплаугарсона, что стало поводом для продолжения распри.

(Dpl. 6) 'Был человек по имени Торстейн, который жил на Стожном болоте <...> Жену его звали Тордис и она была близкой родственницей Хельги Дроплаугарсона. Был человек по имени Бьёрн... Бьёрн был воспитателем ребёнка Хельги Асбьярнарсона (*Björn var barnfóstri Helga Ásbjarnarsonar*). Бьёрн повадился ходить на Стожное болото и вести разговоры с Тордис, женой Торстейна (*Íslendinga sögur*, 1987, с. 352-353)¹.

Конструкция *vera barnfóstri* во ВХ таким образом служит дополнительной подсказкой, намекающей, о чем именно будет повествоваться в последующем эпизоде, так как вводит в действие ассоциации, связанные с определённым стереотипом. При этом упомянутый социальный статус воспитателя – основная примета персонажа, указание его социальной роли в обществе и связанной с ней роли в повествовании, а воспитатель – новое действующее лицо, персонаж, который будет играть активную, часто сюжетообразующую роль. ВХ представляет стереотипный случай воспитания по договору как одну из значимых социальных нитей, охватывающих общество, запечатляя эти сведения как предмет исторической памяти исландцев.

С употреблением подобного типа контрастирует упомянутая выше конструкция *vera at (á) fóstri*. Как правило, она сообщает о тех ситуациях, связанных с практикой воспитания по договору, которые не укладываются в схему стереотипных отношений:

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст *Íslendinga sögur*. Reykjavík, 1987. Перевод наш – Э.Е.

1. (Vopn. 3) 'Бродд-Хельги женился на Халле Лютисдоттир, сестре этих братьев (один из которых – Гейтир – Э.Е.). У них был сын по имени Бьярни <...> Бьярни воспитывался в Крестовой бухте у Гейтира (*Bjarni var at föstri í Krossavík með Geiti*)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 1988-1989).

2. (ÞórðH. 2) 'Другого бонда звали Торкель... Он был человеком незначительным, но богатым <...> Торкель предложил Skeggi взять на воспитание его сына, и Эйд сын Skeggi воспитывался на Песках (*og var Eiðr son Skeggja at föstri á Söndum*)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 2011).

3. (Kort. 3) 'Человек по имени Торкель жил в Междуречье. Он был женат и у них была дочь по имени Стейнгерд. Она воспитывалась в Горной долине (*hon var í Gnúpsdal at föstri*)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 1468).

Гейтир из «Саги о людях с Оружейного фьорда» (пример 1) не может быть введён в сагу как воспитатель (*föstri*, *barnföstri*): он – человек знатный и воспитывает родича. Гейтир – один из главных героев саги, так что его функции значительно шире, чем воспитание племянника. Бьярни убьёт своего дядю, когда будет мстить за отца. Ситуация воспитания не предопределяет развитие событий, она только усугубляет трагедию поправленного родства. Торкель из «Саги о Торде Устрашителе» (пример 2) соответствует традиционному представлению о воспитателе (богат, но низкого статуса). Однако он не играет существенной роли в саге. Случилось так, что Торкель и Эйд чуть было не утонули. Это не вызвало конфликта, но Эйд ушёл воспитываться к человеку, который спас им жизнь и, соответственно, показался более надёжным. Торкель больше не упоминается в саге. Он не состоялся как воспитатель, потому не определяется словами *barnföstri* или *föstri*: традиция «отказывает» ему в этом статусе.

Пример 3 («Сага о Кормаке») показывает, что употребление конструкции *vera at föstri* позволяет упоминать факт воспитания по договору без представления самого воспитателя. Для повествования саги существенна удалённость Стейнгерд от дома, где её бы оберегал отец. Именно поэтому главный герой саги, Кормак, получил возможность навещать её к девушке. Узнав об опасности, отец забрал дочь домой. При этом воспитатель так и не был упомянут. История любви Кормака к Стейнгерд легла в основу сюжета саги, а сообщение о воспитании героини вне дома пролагает путь от исторического фона к последующими эпизодами.

Конструкция *vera at (á) föstri* характеризует воспитанника, роль же воспитателя не закреплена в повествовании. Важно, что такая характеристика не является сущностной, как, например, имя, родовая

принадлежность или социальная роль персонажа. Таким образом характеризуется не сам персонаж, а связанная с ним ситуация. Упомянутая ситуация получает развитие в эпизоде, при этом имеет значение удаленность от дома одного из персонажей, что оборачивается возникновением новых социальных связей или безучастностью персонажа в последующих событиях саги.

Симптоматичным является тот факт, что обсуждаемая конструкция в некоторых случаях может упоминаться непосредственно в составе эпизода, хотя она явно тяготеет к употреблению при ВХ. Так в «Саге о Курином Торире» упоминается, что дочь некоего Гуннара воспитывается у Торда Ревуна, который был ранее упомянут в ВХ Гуннара как человек, на сестре которого тот был женат:

(Høsn. 11) 'После этого идёт Гуннар на встречу со своей дочерью, потому что она воспитывалась у того самого Торда (því at hún var með þeim Þórði á fóstri)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 1429).

То, что Торд должен восприниматься аудиторией как известное лицо, подчёркнуто указательным местоимением þeim [дательный падеж от *sá* 'тот (самый)'].

Особый интерес представляет собой пример из «Саги о Гисли»

(Gísl. 2) 'Их (Торбьёрна и Исгерд) старшего сына звали Торкель, другого – Гисли; младшего – Ари и все они растут дома (og vaða allir upp heima þar)... Договорились о том, что Ари будет воспитываться у Стюркара, своего дяди по матери (букв. для Ари было приобретено воспитание), а Торкель и Гисли оба были дома (Ara var fóstur fengit með Styrkari móðrbróðir sínum en þeir Þorkell ok Gísli voru heima báðir)' (Íslendinga sögur, 1987, с. 853).

Воспитание младшего сына вне дома предполагает удаленность его от событий саги, эти сведения характеризуют Ари как несущественного для последующих эпизодов персонажа. При этом конструкция *Ara var fóstur fengit* с глаголом однократного действия (страдательный залог от *fá* 'получать') задаёт локализацию во времени в противовес неопределённо-длительному прошедшему «исторического фона» (например, «у них были такие-то дети»).

Симптоматично, что конструкция *vaða allir upp heima* 'все они растут дома', которая, по сути, является антонимической сведениям о воспитании, употребляется в приведённом примере в настоящем времени, что свидетельствует о том, что повествование переключается с исторического фона, заданного вводной характеристикой, на внутрисаговое время, то есть частное время, в котором живут и действуют персонажи саги, или внутрисаговое время «вкрапляется» в

исторический фон, форма презенса подчеркивает эпизодичность. Эти сведения не играют существенной роли в повествовании, поскольку тут же сообщается, что один из братьев был отдан на воспитание, и теперь только двое остались дома. Очевидно, что сведения о том, что все трое прежде воспитывались дома, приводятся, поскольку являются частью синкретической правды и упоминание этой эпизодической и несущественной для развития сюжета ситуации придаёт достоверность повествованию.

Интересно, что сообщения о том, что персонаж находился дома (то есть не был отдан на воспитание, если речь идет о ребенке, или не участвовал в последующих эпизодах в викингском походе, если речь идет о взрослом), как и сообщения о воспитании, тяготеют к употреблению при ВХ. Все эти ситуации эпизодичны и конечны во времени. Сведения о них актуализируют развитие событий, «подталкивая к эпизоду».

Таким образом, воспитание по договору, обозначенное абстрактным существительным *fóstr* при вводе персонажей в сагу, обычно не является данностью «исторического фона». Эти сведения намечают кратковременные, не существенные для традиции в целом связи между людьми. Однако тенденция к употреблению их при вводе персонажей в сагу не случайна, поскольку они, с одной стороны, играют роль актуализаторов, переключая повествование с исторического фона на время сагового повествования и намекая аудитории на возможный ход дальнейших событий, а с другой, они органично вписываются в картину мира древних исландцев и способствуют повествованию в русле синкретической правды.

Литература

Емельянова Э.В. Образы исландцев «века саг» в преломлении поэтики родовой саги на примере воспитателей: к вопросу о типологии персонажей // Атлантика. Записки по исторической поэтике. М., 2015.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Смирницкая О.А. Функции глагольных временных форм в сагах об исландцах // Избранные статьи по германской филологии. М., 2008.

Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1984.

Yuock J. Feud in the Icelandic Saga. Berkeley, 1993.

Список источников

Íslendinga sögur. Reykjavík, 1987.

References

E.V. Emel'yanova. *Obrazy islandcev «veka sag» v prelomlenii poetiki rodovoj sagi na primere vospitatelej: k voprosu o tipologii personazhej* [Images of Icelanders of the «Century of Sagas» in the Refraction of the Poetics of the Ancestral Saga on the Example of Educators: on the Issue of Character Typology]. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike* [Atlantic. Notes on Historical Poetics]. Moskva, 2015.

V.V. Krasnyh «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? [«Own» among «alien»: myth or reality?]. Moskva, 2003.

O.A. Smirnitskaya. *Funkcii glagol'nyh vremennykh form v sagah ob islandcah* [Functions of Verb Tense Forms in the Family Sagas about Islanders]. *Izbrannye stat'i po germanskoj filologii* [Selected Articles on German Philology]. Moskva, 2008.

M. I. Steblin-Kamenskij. *Mir sagi* [World of the Saga]. L., 1984.

J. Byock. *Feud in the Icelandic Saga*. Berkeley, 1993.

List of sources

Íslendinga sögur. Reykjavík, 1987.

КОГНИТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗНАКОВ ЯЗЫКА НАУКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Д.А. Кожанов

Ключевые слова: общие и специальные научные знания, научное понятие, знаки искусственных языков, художественный текст, интерпретация.

Keywords: general and special scientific knowledge, scientific notion, signs of artificial languages, literary text, interpretation.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-13

Общие и специальные научные знания, представляющие собой важнейший фрагмент картины мира современного человека, являются одной из наиболее актуальных проблем, поднимаемых в когнитивных исследованиях, рассматривающих данный феномен с точки зрения структурной организации специальных знаний в ментальном мире человека, их функционального потенциала, взаимодействия с другими типами знания и т.д. В настоящей статье мы рассматриваем научную